

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)-6-44
М15

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Художественное оформление — *Константин Журавлев*

Спасибо журналу «Русский пионер»
за стимуляцию творческой активности.

Андрей Макаревич

Макаревич, Андрей

М15 Рассказы. Старые и новые / А. В. Макаревич — М. : Изда-
тельство АСТ, 2020. — 384 с. — (*Авторская проза А. Макаревича*).

ISBN 978-5-17-119728-5

Впервые опубликованный полный сборник рассказов Ан-
дрея Макаревича, написанных в период с 2007 по 2020 год.
Наброски из прошлого и настоящего передают ритмику жизни,
заметки и наблюдения, выявляют различные стороны чело-
веческого бытия. Яркие, колкие и ироничные рассказы дарят
энергию, пищу для размышлений и лишней повод для радости.

УДК 821.161-31

ББК 84(2Рос=Рус)-6-44

Зов

У приемника было имя — «Филипс». И имя, и внешность выдавали в нем инопланетянина. Я уже видел у товарища чудо рижской радиотехники — «Спидолу», она и задачу свою выполняла почти так же, и звучала почти так же, но вид отекшей мыльницы, родовая печать социализма, не давал ей шансов. «Филипс» был нарисован совсем иначе — какая разница, казалось бы? Я даже не смог бы объяснить, сколь огромное это имело для меня значение. И не потому что я собирался форсить с ним перед друзьями — из дома «Филипс» выносить было нельзя. Нет, лично для меня. Как добиться элегантности от простого прямоугольного пластмассового ящичка? Наверно, надо много-много лет каждый день рассматривать, держать в руках и рисовать предметы исключительной красоты. И только их. В стране победившего социализма это было невозможно по определению. Оставшись в комнате один, закрывал дверь, брал его в руки бережно, в который раз рассматривал, не включая. Пропорции не совсем обычные — чуть больше чем полтора квадрата, книзу чуть-чуть увеличивается в толщине — ровно настолько, чтобы увидеть это не глазами, а ощущением, всё на чуть-чуть! Задняя его половина из ярко-красного материала, по периметру примыкает хромированная

антенна формы буквы «П» — откидывается вверх одним движением. Фасад белый, по верхней части проходит ослепительная шкала — окно в мир. Наша часть этого мира еще не знает слово «металлик», но сейчас могу сообщить, что цветом шкалы являлся именно светло-голубой металлик. Шкала не подсвечивается, да это и не надо — она и так горит огнем. Слева от нее выступает из корпуса колесико, это громкость и одновременно включение. Щелк — и рядом загорается невозможно оранжевым цветом крохотный кругленький глазок. Цвет такой яркий, что кажется, что это лампочка. Ночью в комнате видно — нет там никакой лампочки, просто цвет такой. Справа от шкалы — такое же колесико, оно плавно гоняет влево-вправо тонкую бордовую вертикальную стрелочку — это настройка. Дома у нас стоит пузатая лакированная радиола «Эстония» — она скорее мебель, чем прибор. На черной стеклянной шкале ее изображены косо расположенные прямоугольнички, под ними надписи: Копенгаген, Рига, Ливерпуль, Осло, Рейкьявик... Это красивая художественно-политическая фантазия времен оттепели — никакого отношения хрипы и обрывки иностранных фраз, вылетавшие из «Эстонии», к этим городам не имели. На моем «Филипсе» на шкале — только цифры. 31, 39, 42, 49 — короткие волны. И всё совпадает! За гудением глушилок прячутся вражеские голоса. «Программа «События и размышления». У микрофона Виктор Французов». Мне плевать и на события и на размышления — у Битлов вышел новый альбом, они же не могут об этом не рассказать! Ведь это и есть настоящее событие!

В субботу вечером вся семья на даче в Валентиновке. Вечером пьем чай на терраске. Стемнело. Видимо, глушилки не добивают до нашего дачного поселка — папа крутит «Филипс», внезапно отчетливо раздаётся «This is the voice of America from Washington, Jazz Hour» — невероятный баритон Луиса Канновера. «Сделай тише, соседи кругом!» — строго командует бабушка. Бабушка знает, о чем говорит.

Но мой космический зов, мой далекий очаг неизвестных науке вибраций — это «Radio Luxemburg 208». Двести восемь — это их частота, средние волны, это совершенно аполитичная радиостанция, которая двадцать четыре часа в сутки крутит свежую музыку. Никто их не глушит, просто они, видимо, не такие мощные, да и средние волны до нас еле долетают. Они приходят ко мне с другой планеты. Во всех отношениях. Они пробиваются из последних сил. Поэтому каждый долетевший звук бесконечно ценен и заряжает меня неведомой мне энергией. Я это чувствую каждой своей клеткой и больше всего хочу, чтобы это никогда не кончалось. Через пару часов глаза начинают закрываться, звуки визуализируются, я вижу этот волшебный мерцающий свет на самом краю вселенной, мне кажется, я даже могу разглядеть богоподобных людей с длинными волосами и невероятными электрогитарами — у меня никогда не будет такой, я вижу, как их пульсирующая, небесная музыка продирается ко мне сквозь радиопомехи — они похожи на дырявые колючие облака, они тут и там, но музыка сильнее — какое это счастье! Спросите, кого я там слушал? Всех, кого передавали. Иногда узнавал Monkees, Dave Clark 5, Hollies, Kinks — и радовался им как старым знакомым. Кажется, они мне тоже.

Сегодня я часто думаю — а что было бы, если бы эта станция звучала в те годы из каждой радиоточки вместо «Радио Маяк»? Всех последствий предсказать не берусь. Но то что она потеряла бы большую часть своей магии — это точно. Она перестала бы быть Зовом. Ибо большое видится на расстоянии. А если расстояние с препятствиями... В результате просто хорошая музыка, пробиваясь через дырявый занавес, превращалась в несокрушимый заряд света и любви. И если угодно, бесстрашия.

Знаете, от чего рухнул совок? От страха. Он всегда рушится от страха.

Честь

Рано утром мне позвонил Лева Гуцин. Служил он тогда главным редактором «МК» (тогда еще, кажется, «Московского Комсомольца»), был моим старшим товарищем и периодически получал по голове за то только что появившиеся в газете хит-парады, это была новая игрушка в нашей стране, и музыканты и фаны музыкантов ждали их выхода с нетерпением и трепетом. «Машина времени» там соседствовала с Валерием Леонтьевым и группой «Аквариум». Престарелая советская власть не любила всех трех одинаково — смешно, правда? Вот Лева и получал.

Голос у Левы был встревоженный. Он сказал, что в «Комсомольской правде» вышла скверная статья и надо думать, что делать. Я побежал на улицу за газетой. Ах да! Дорогие юные читатели! Интернета, как и компьютеров, его транслирующих, в природе еще не наблюдалось, и новости распространялись через радиоточку (FM тоже еще не родился), три, кажется, канала телевидения и главное — через газеты. «Советская печать — не только коллективный вдохновитель и агитатор, но и организатор». — Ленин сказал. Не хухры-мухры. В этой связи вишневого цвета киоски Союзпечати располагались в городе повсеместно. Утром к ним выстраивались очереди.

Статья оказалась мерзкой — надергали невпопад строчек из песен (половину из «Воскресенья»), снабдили положенными эпитетами («опасные инъекции сомнительных идей», «ноют о придуманной жизни» — это примерно как сегодня «русофобы» и «пятая колонна», привели в пример «страстные монологи Высоцкого», которого они сами гнобили два года назад и довели до могилы. Подписала этот донос группа никому не известных деятелей культуры, но возглавлял ее тяжеловес — Виктор Астафьев, писатель, книги которого я очень любил. Вот те и раз.

На следующий день в Росконцерте, где мы уже работали, срочно созвали худсовет с представителями министерства культуры — на такой сигнал следовало реагировать немедленно, ЦК ВЛКСМ это почти ЦК КПСС, там шутить не любят. Ах да! Дорогие юные читатели! Это сегодня, прочитав в Сети «ты козел», можешь немедленно ответить «сам козел», и оба получите удовольствие. А в давние времена полагалось не огрызаться, а, наоборот, тотчас принимать меры в соответствии с указаниями. Это называлось «сигнал был услышан». И согласно уровню и тону сигнала указанный ансамбль следовало в срочном порядке расформировать и об исполнении доложить. И расформировали бы, не сомневайтесь — и не таких разгоняли. Нас сняли с маршрута, отменили дальнейшие гастроли, выдали белые рубахи для расстрела. Наутро обещали священника. Но — случилось чудо. В редакцию «Комсомольской правды» повалили письма. Сотни тысяч писем. От отдельных людей, школьных классов, научных лабораторий и целых воинских частей. Возмущенные письма с требованием восстановить справедливость. Эти письма складывали в мешки, жгли во дворе редакции, но количество их не уменьшалось. И оплот идеологии дрогнул. Ах да! Дорогие юные читатели! Это сегодня ваше письмо власть не заметит. А если их будет много, скорее всего решит, что это происки Госдепа. А в те давние времена письма трудящихся приходилось замечать. И даже как-то на них реагировать. Поэтому расстрел заменили на бессрочный отпуск за свой счет. А газета уже через две недели выдала целую страницу игривой полемики — дескать, вот какие разные у нас, оказывается, читатели, кто-то, конечно, согласен со статьей, а кто-то и нет, их, разумеется, меньше, но хотите — почитайте их письма сами. Давайте спорить. Мы не могли поверить — на наших глазах происходило чудо, и это чудо никак не вписывалось в правила советской жизни: уж если за кого брались, то добивали. Примеров было достаточно.

Одно письмо написал двадцатилетний экономист Анатолий Чубайс. Оно сохранилось, он подарил мне его не так давно. Написал не в газету, а прямо Виктору Астафьеву, где на четырех страницах, приводя строки из наших песен, доказывал, в чем неправы и где откровенно врут авторы статьи. И Астафьев ему ответил! Ответ меня поразил. Цитирую фрагмент: «Наверное, мне не стоило подписывать письмо против этих машин, сидящих в виде моли на пиджаках чужого покроя, украшенных орнаментами с берегов мертвого озера...» О как.

На самом деле не слышал, конечно, Астафьев ни наших песен, ни о «Машине времени» вообще — нашептали ему комсомольцы о еврейчиках, поющих с чужого голоса — он и подписал. О чем жалел впоследствии. И даже рекомендовал мои стихи в один литературный журнал — я и не просил.

Теперь о чести. Вы думаете, это я про то, как с помощью сотен тысяч поклонников «Машина» смогла отстоять свою честь? Нет. Я про честь каждого, написавшего письмо в нашу защиту. Ибо именно честь не позволяет человеку стоять в стороне, если кого-то бьют не по делу. Честь вообще неудобная вещь. Сродни совести. С честью долго не живут. Сравните — Молотов, Каганович. А с другой стороны — Пушкин, Лермонтов. Всего-то отсутствие или наличие этого странного качества.

Интересно бы было в сегодняшней школе задать сочинение на тему «Честь — что это такое». Боюсь, не ответят. Не поднимут тему. Зато легко объяснят, что означает выражение «Ничего личного». Даже я могу объяснить. Это означает — ты мне настолько безразличен, что мне и в голову не приходило тебя оскорбить или унижить — просто обманул и всё. Или ограбил. Или убил. Чисто бизнес.

Недавно листал удивительную книгу — «Дуэльный кодекс», издание 1912 года (не первое — четвертое! Притом что дуэли запрещены), по толщине приближается к уголовному кодексу России. Серьезнейший свод законов и пра-

вил — степень нанесенного оскорбления (их, если интересно, три), степень ответственности в зависимости от тяжести этого оскорбления — что можно разрешить извинением, что — нет, правила вызова на дуэль, выбор оружия, условия проведения дуэли... Всё ради спасения чести. Опасное, дорогое удовольствие — честь.

Многие думают — случилась у Пушкина дуэль, его на ней и убили. А было у Пушкина за его молодую жизнь двадцать шесть дуэлей — нормально? На последней не повезло. И всё личное.

Ничего личного, говорите?

Сигары

В самом начале девяностых мы с друзьями неожиданно врванули на Кубу — впервые в жизни. Божественное, дивное время открытия мира! Вдруг стало можно. Нет, ребята, вам сегодня этого не понять, и не пытайтесь. Поездка получилась короткая, безумная и невероятно яркая. Синий океан, обглоданная, как после атомной войны, и потому необыкновенно живописная Гавана, умопомрачительные кубинки — что я вам буду рассказывать? Ром, мохито и, конечно, сигары. Здесь они были не экзотикой на грани выпендрежа, а совершенно естественной частью жизни.

Нет, нельзя сказать, что мы увидели их впервые. В табачных ларьках и магазинах Страны Советов именно кубинские сигары были представлены весьма широко — это было то немногое, чем Куба расплачивалась за щедрую политическую, экономическую и военную помощь. Ящички и коробочки из ароматного дерева, оклеенные марками и картинками, колониальную стилистику которых революционные кубинцы так и не поменяли. «Монтекристо», «Ромео и Джульетта», «Партагас», «Койба», «Панч» — это звучало как музыка.

И стоили они, насколько я помню, копейки — во всяком случае, значительно дешевле, чем во всём остальном мире. Ящички и коробочки пылились на полках — никто их не покупал. Во-первых, образ сигары был сильно скомпрометирован политической карикатурой — империалист рисовался толстым, безобразным, в цилиндре и непременно с огромной сигарой в зубах. Во-вторых, никто толком не знал, как с ними обращаться — надо ли обрезать кончик, например, и если да, то чем. О хьюмидорах тоже никто не слышал, поэтому все сигары были безнадежно пересушены, и крошились от первого прикосновения. В общем, представьте себе, что вам предложили попробовать устриц, но не объяснили, что надо сначала раскрыть створки раковины.

Помню, отечественная промышленность предприняла робкую попытку догнать своих кубинских друзей — выпустила сигары «Погар» (по названию города, где располагалась табачная фабрика). Пять продолговатых коричневых предметов в серой картонной коробочке. Будучи извлеченными, они действительно метров с трех напоминали сигары. При ближайшем рассмотрении иллюзия рассеивалась.

В общем, знакомство с культурой сигары на Кубе состоялось. Хотя любовь пришла позже. Помню, как я на следующий день после возвращения сiju в каком-то баре в окружении восхищенных мальчиков и девочек — впечатления и свежие знания так и прут из меня, я страшно важничаю. Я дымлю привезенной сигарой и обучаю неофитов азам. Очень, например, неплохо опустить кончик сигары в хороший виски или коньяк — это придаст ее аромату дополнительные оттенки. Я погружаю сигару в стакан с вискарем и начисто забываю про нее. Через пару минут ее конец распухает и распускается, как розовый бутон. Конфуз.

Если говорить об истинной любви к сигаре, то это, как и всякая любовь, многотрудное и ответственное дело. Сделана каждая сигара вручную (если это не дешевая игрушка), она хранит магию рук создателя и тепло его души. Нет двух оди-

наковых сигар — даже если они лежат в одном ящике. Недавно я был на фабрике «Партагас» в Гаване. Старинное здание, огромный зал с высоченными окнами, длинными рядами плотно стоят столы, за ними сидят работники и работницы — немолодые уже люди. Перед каждым маленький деревянный верстачок — видно, что верстачкам этим очень много лет, сейчас таких уже не делают. Не суетясь, размеренными движениями ладоней эти мастера скручивают из табачных листьев ровные колбаски — и при этом почти у каждого во рту дымится сигара! В этой картине было такое торжество духа, что я чуть не заплакал — так хотелось это дело заснять. Снимать было запрещено — таинства не снимают.

Содержание сигар в домашних условиях — серьезное и хлопотное занятие: примерно как держать аквариум с рыбками. Вам предстоит многое узнать, причем ценой исключительно собственного опыта. Например, что такое хьюмидор, и зачем он нужен. И почему самый дорогой далеко не всегда самый лучший. И как убедиться в его качестве в момент покупки — потом будет поздно. И как оживить уже лишённую жизни сигару, эту уснувшую в высохшем аквариуме рыбку?

Курение сигары — процесс, требующий погружения и самоотдачи. И если вы не окончательный валенок, вам не придет в голову закуривать сигару на бегу от метро к месту службы. Выкурить сигару — это поступок (хотя те же кубинцы начисто лишены этого пиетета, курят где угодно и когда угодно и запросто затягиваются сигарным дымом, презрев вот это снобистское «пропускать исключительно через нос». И я с ними в этом солидарен).

А как же получить от сигары долгожданное удовольствие? Урок номер один. Вам понадобится круизная яхта. Необязательно огромная, как у Абрамовича — метров тридцати вполне достаточно. Важно, чтобы она располагалась в тропическом море и чтобы вы находились на борту. И чтобы на море был штиль, погода ясная, а время в районе шести часов вечера, в это время солнце в тропиках садится, хорошо,

если оно опускается прямо в море. Очень важно, чтобы на палубе был бассейн — вам предстоит присесть в шезлонг около него: не у самой воды, а в некотором отдалении. Музыка пусть звучит совсем негромко — она должна быть плавной, но пусть в ней читаются латиноамериканские нотки. Метрах в десяти от вас должны танцевать девушки в бикини — штук пять, и делать это они должны лениво, как бы нехотя, тихонько переговариваясь. Важно не смотреть на них в упор — они занимают периферийную часть картины. В левой руке у вас тяжелый стакан с хорошим виски — не вздумайте портить его льдом: лучше добавьте несколько капель обыкновенной воды. В правой руке — только что раскуренная «Коиба робуста», ровненькая шапочка пепла говорит о том, что сигара скручена идеально. Теперь сделайте маленький медленный глоток, дайте напитку продемонстрировать вам все свои вошебные грани, и не спеша затянитесь. Неглубоко.

Ладно, не надо яхты. Тропики — тоже необязательное условие. Черт с ними, с девушками — только отвлекают.

Но виски-то у вас есть?

Колея

Проходите сюда, пожалуйста. Встаньте полукругом — так всем будет видно. Итак — перед вами первая рабочая модель отечественного колеепрокладчика АТ-70-1К. Центральный научно-исследовательский институт дорог и дорожного покрытия работал над этим чудом более двадцати лет. Задача перед учеными стояла непростая. Все мы знаем, что одна из вечных проблем России — дороги. Годами лучшие умы страны бились над решением этой проблемы с оглядкой на деятельность наших западных партнеров, не понимая, что идут по ложному и тупиковому пути.

Помните, как в свое время американская военщина пыталась навязать Советскому Союзу соревнование в создании космического оружия — так называемые «звездные войны» — имея единственной целью обескровить нашу экономику? И надо сказать, им это почти удалось — к счастью, мыльный пузырь лопнул. Вот и сегодня — кое-кто пытается (к счастью, безуспешно) воссоздать на нашей почве современное западное дорожное покрытие, забывая, что это, во-первых, непомерно дорого, соответственно ведет к растратам и, прямо скажем, воровству, а во-вторых — совсем не так безобидно, как может показаться. Гладкое дорожное покрытие дает водителю ненужную степень свободы (это вообще свойственно странам с подгнившей демократией), усыпляет его внимание, провоцирует увеличение скорости, что неизбежно ведет к катастрофе. Кроме всего прочего, не следует забывать, что ровная гладкая дорога — открытые ворота врагу. Наши разработчики предлагают решить все эти проблемы кардинально — раз и навсегда. Вместо так называемой европейской дороги мы прокладываем колею. Колея не требует предварительной подготовки грунта, к тому же мы получаем на выходе невиданную экономию — вот цифры. Хищениям на дорожном строительстве будет положен конец. Колея дисциплинирует водителя, повышает его мастерство и совершенно безопасна в эксплуатации. Наш колеепрокладчик собран на базе легкого танка «Т-70», что делает его неприхотливым в эксплуатации и устойчивым к нашим климатическим условиям. В военное время он легко превращается в грозную боевую машину. Его рабочая часть, изготовленная с применением нанотехнологий, предусматривает прокладку колеи для легкового, грузового либо общественного транспорта. С учетом, так сказать приоритетов данного направления. Мы хотели назвать нашего первенца «Юрий Гагарин», но государственная комиссия рекомендовала нам не приземлять имя великого покорителя космоса, и мы дали нашей машине имя «Добрыня».

В настоящее время, прямо в эти дни, идет прокладка первой опытной колеи в направлении Тамбов — Малоярославец. Результаты впечатляют.

Если вопросов нет — предлагаю пройти в следующий зал — там нас ждет новейший поворачиватель рек «Гвидон».

Вначале был звук

Каждый из нас когда-то слышал, что восемьдесят процентов информации поступает человеку через глаза. Не знаю, кто автор этой сентенции. И каким образом производились подсчеты. И вообще, что имеется в виду под информацией. Если исключительно содержащаяся в тексте — тогда да, конечно. Восемьдесят процентов — через глаза. А оставшиеся двадцать — через уши, по радио. Но мне кажется, что понятие «информация» — гораздо более широкое. И шум дождя сообщает тебе о том, что идет дождь, ничуть не хуже, чем круги на лужах, видимые глазами.

А теперь представьте себе железнодорожную катастрофу, которую вы наблюдаете с небольшого расстояния. Представили? А теперь разделите изображение и звук. Разделили? А теперь прокрутите перед своим внутренним взором сначала картинку, а потом ее звуковое сопровождение. И ручаюсь вам: картинка без звука оставит вас вполне равнодушным, а звук без картинки приведет в ужас. И если это так, то что тогда главнее?

Все мы знаем, как может напугать нас неожиданный громкий звук. Даже самый простой, вроде лопнувшего шарика над ухом. Что-то я не могу представить себе какую-либо неожиданную картину, способную нас напугать — если она лишена звуковой поддержки. Даже привидения в фильмах-страшилках режиссеры заставляют выть. Хотя настоящие привидения выть, наверно, не умеют.

Ночью мы спим. И глаза наши спят. А уши — нет. И будит нас звук. Странно, правда?

Если мы не хотим что-то видеть, мы закрываем глаза. Не руками, нет — у нас есть веки. А на ушах век нет, и руками затыкать их весьма неудобно. То есть природа разрешает нам иногда оставаться без зрения и не разрешает без слуха. Значит, что с точки зрения природы важнее?

Возможность видеть мы получаем, появляясь из утробы на свет, да и то первые месяцы наблюдаем картину вверх ногами. А звуки начинаем слышать значительно раньше — на девять месяцев. Мой сын вел себя в животе у матери очень беспокойно, но неизменно затихал, как только начинала играть громкая хорошая музыка.

И вообще — если вначале было Слово, то Слово это было произнесено, а, скажем, не написано: не на чем еще было. Звук? Звук.

А восемьдесят, значит, через глаза? Ошибочка, граждане!
Если убедил — пошли дальше.

Звуки детства

Пытаюсь нарисовать картину из звуков своего детства, роюсь в памяти. Радиоточка. Или трансляция. В общем, радио. Эта пластмассовая коробочка стояла в каждой квартире, в каждой столовой, в любой парикмахерской. Коробочка всегда была желтая или розовая — веселенького цвета. На фасадной ее стороне располагалось окошко для динамика, затянутое веселенькой же тряпочкой и одна ручка — включение, она же громкость. Сзади — картонная крышка с круглыми отверстиями и провод. Провод вставлялся в специальную розетку — как для электричества, но поменьше, чтобы не перепутать. Всё.

Сколько помню, коробочка всегда и у всех находилась во включенном состоянии. Могло быть тише или громче.